

Глава 6. Дар. Часть 3

Это я, Алексис Ирвинг, — переродившийся в мире отомэ-игры.

Вообще-то я ещё до поступления в Королевскую академию Романсия, где разворачивается сюжет игры, успел ярко дебютировать в публичном доме.

Так сказал приёмный отец: мол, обзаведись хотя бы знаниями.

Потому что такая мелкая сошка, как я, стоит лишь раз ослепнуть от наслаждения — и непременно пойдёт по наклонной.

...Отрицать, что такая возможность существует, я не могу.

В веб-новеллах из прошлой жизни — восемнадцать плюс, разумеется, — говорилось: девственник, познавший радость секса, только и будет, что безостановочно двигать бёдрами!

Причём неважно, между мужчинами, между женщинами или между мужчиной и женщиной.

Чтобы я не попался в ловушку соблазнения, мне показывали и приёмы обольщения, и самые разные любовные утехи.

И всё это было до жути реалистичным.

«Так что знания у меня есть.

Однако настоящего опыта — ни с мужчинами, ни с женщинами — нет».

«Вот и славно».

«А?»

— Это я о своём, — кашлянул Хью.

Кажется, он что-то скрыл, но пускай.

«И как тебе на практике-то? Понравилось? Хоть какая-то реакция была? Может, до главного и не дошло, но хоть облегчение тебе сделали?»

Хью с широкой ухмылкой приблизил лицо и спросил шёпотом. Я тоже тихо — и не меняясь в лице — ответил:

«Перед основным просмотром нас заставили отсидеть учебные часы. Про венерические болезни и судьбу тех, кто на такое подсел.

Так что вообще не смог проникнуться... Эх».

«.....Ну, держись».

Вот уж точно!

Вроде бы отомэ-игра, а до жути реалистичная.

В аниме мир вокруг злодейки-героини был куда добрее — кругом одни понимающие люди... Ах да, но если я — массовка, не связанная с сюжетом, то ничего не попишешь.

Вот по этой причине я и после перерождения продолжаю хранить девственность. Боязнь ловушек соблазнения и венерических болезней напрочь отбивает желание принимать приглашения.

Впрочем, даже массовку иногда приглашают. Сами понимаете — возраст такой: подростки, охочие до плотского.

Поскольку школа, куда допущены только дворяне, всех учениц обязывают блюсти невинность.

Добрачные связи — за гранью.

К ученикам мужского пола требования не настолько строги, поэтому многие сбегают из общежития, куда женщинам вход заказан, мчатся по ночам в столицу или уходят в город на выходные.

Но даже этого, видимо, недостаёт — и тогда меня, мелкого дворянина, приглашают особы того же пола. Потому что «нечистые» гетеросексуальные связи — зло, а однополые, похоже, считаются допустимыми.

Куда подевалась отомэ-игра?

Поскольку знают, что я слуга Первого принца, приглашают либо с целью соблазнения, либо какие-то совсем уж безнадёжные глупцы.

Если ко мне пытаются подкатить — немедленно докладываю товарищам. И тихо исчезаю.

Если пытаются взять силой — смело бегу. Болезней боюсь.

Пока я хмуро мычал, Хью — сослуживец, что иногда выбирался в город в свободные от дежурства ночи, — почесал затылок.

«А-а... На всякий случай говорю, Алекс.

Господин Седи не болеет венерическими болезнями».

С чего это вдруг?

Я и сам знаю.

Для партнёрш принца наверняка подбирают тех, чьё здоровье тщательно проверено и чьё окружение безупречно.

Хотя госпожа законная супруга и позаботилась о том, чтобы создать господину Седи дурную репутацию, на деле он никогда не устраивал дебошей в увеселительных кварталах.

Практически каждую ночь он мирно спит в своей комнате в общежитии.

«.....Если уж на то пошло, господин Седи — человек преданный и вовсе не развлекается на стороне. Запомни: это важно.

Да и мы, слуги, тоже не промах. Нет среди нас идиотов, не способных о себе позаботиться.

Что до заражения через жидкости — если партнёр не болен, сколько бы ты ни спал с ним, ничего не подхватишь. А мы всякий раз принимаем и профилактические средства, и противозачаточные».

Отомэ-игра-а-а!

С какой стати меня сейчас просвещают об интимной жизни сослуживцев?!

Слышать не хочу.

Делиться информацией, может, и нужно — но выслушивать обычные хвастливые байки? Ни за что!

Видя моё отвращение, Хью скалился.

Почувяв, что сейчас воспоследует очередная порция насмешек, я уже собрался ретироваться с кровати, но застыл, услышав раздавшийся в спальне электронный сигнал.

Знак того, что лифт пришёл в движение.

В мире этой отомэ-игры, где сеттинг близок к современной цивилизации, существуют лифты.

Несколько есть и в студенческом общежитии.

Но прозвучавший сигнал доносился из лифта, тайно установленного в гардеробной этой особой комнаты, предназначенной для королевской семьи.

Лифта, о существовании которого знали лишь посвящённые.

Он соединял особую комнату на самом верхнем этаже здания с подвалом, что официально в общежитии не числился.

Из подвала же вёл проход в королевский дворец, примыкающий к академии. Это был секретный путь эвакуации, доступный только членам королевской семьи.

«Господин Седи вернулся?»

«Я слышал, он ещё какое-то время пробудет во дворце.

Но, может, неожиданно решил вернуться — поесть твоей стряпни, Алекс?»

Это, кстати, меня и беспокоит. Ест ли он нормальную, «съедобную» пищу?

Поскольку дворец контролирует госпожа законная супруга, она может атаковать принца Седрика сколько душе угодно.

Подсыпать яд в еду там — дело привычное. Всё настолько скверно, что, по словам самого принца, он наконец-то вздохнул свободно, лишь перебравшись в общежитие академии...

Оставив Хью, который должен его замещать, на кровати, я переместился к гардеробной.

Вновь раздался электронный сигнал прибытия лифта, и раздвижная дверь, встроенная в стену спальни, открылась.

Показался темноволосый красивый юноша в окружении телохранителей.

Седрик Каннингем, Первый принц. Мой господин, которому я служу.

Благородный потомок с волосами цвета воронова крыла, как у покойной матери, и королевским золотом в глазах.

Его манеры и выражение лица были до того спокойны, что казались холодными. Хотя на самом деле ему только восемнадцать, достоинство и величие делали его старше.

В аниме Первый принц был высокомерным принцем с характером «сам-себе-господин» и кривой усмешкой на устах.

Но в этом мире господин Седи был совсем иным.

Во-первых, он не улыбался.

Во время недавней встречи в комнате студенческого совета младший принц и злодейка, должно быть, изумились.

Наверное, даже больше, чем содержанию произнесённых им слов, — той самой улыбке, которую он явил перед ними впервые.

Господин Седи почти никогда не улыбается — ни единокровному брату, с которым их связывает кровное родство, ни тем, кого прежде прочили в его будущие приближённые.

За глаза его называют «принц-кукла» или «хладнокровный принц».

Но нам, его личным слугам, здесь, в приватном пространстве, он иногда дарит улыбку.

Вот и сейчас: поймав золотыми глазами мой образ — встречающего слуги, — он чуть приподнял уголки тонких губ.

А затем, сделав несколько шагов вперёд, господин Седи мягко заключил меня в объятия.

Заключил... Заключил?!

<http://bllate.org/book/17947/1726299>